

М.А. Оболенский

Летописец Переяславля-Суздальского

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.А. Оболенский**
Летописец Переяславля-Суздальского / М.А. Оболенский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 218 с.

ISBN 978-5-518-10661-1

ISBN 978-5-518-10661-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ложки Костянтинъ церковь соборную святыя Богородицы въ градѣ Ростовѣ. Се же бысть лѣто високостное.» Должно думать, что лѣтописецъ именно этими словами и оканчиваетъ, т. е. что въ нашей рукописи онъ сохранился вполнѣ; потому что въ общемъ оглавленіи всего рукописнаго сборника окончаніе лѣтописи означено именно тѣми же событіями, какими онъ и дѣйствительно оканчивается. Теперь припомнимъ вышеприведенное обращеніе къ Андрею Боголюбскому, гдѣ составитель лѣтописи испрашиваетъ отъ Бога *прижити дѣтей благородныхъ Князю Ярославу Всеволодовичу и его Княгиню*. Ярославъ Всеволодовичъ былъ женатъ два раза: въ первый разъ женился онъ на Юргевнѣ Кончаковича въ 1200 году,² и дѣтей отъ нея не имѣлъ, а въ другой — на дочери Князя Мстислава Мстиславича Торонецкаго — Ростиславѣ. Въ нашемъ лѣтописцѣ по этому случаю сказано: »въ лѣто 6722 (1214) ведена бысть Ростислава, изъ Новагорода, дщи Мстислава Мстиславича за Ярослава, сына Великаго Князя Всеволода въ Переяславль Суздальскій.« Отъ нея Ярославъ имѣлъ большое потомство; первый сынъ его родился въ 1210 году.³ Если лѣтописатель просилъ у Бога для своего князя чадородія, значитъ дѣтей у него еще не было. Слѣдовательно Переяславльскій лѣтописецъ составленъ былъ до 1210 года, когда родился у Ярослава первый сынъ Оеодоръ, т. е. составленъ не только при жизни Ярослава Всеволодовича, но и въ то время, когда этотъ князь былъ еще очень молодъ. Ярославъ Оеодоръ Всеволодовичъ родился въ 6698 (1190) году, слѣдовательно въ 1214 году, коимъ оканчиваются событія изложенныя въ Переяславльскомъ лѣтописцѣ, ему было не болѣе 24 лѣтъ отъ роду.

Сличая лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго съ другими лѣтописями, всякой можетъ усмотрѣть, что онъ, по составу своему и изложенію содержащихся въ немъ событіи, совершенно самостоятеленъ, отличается ото всѣхъ донынѣ из-

IV

вѣстныхъ нашихъ лѣтописцевъ древностію языка, и тѣмъ, что составитель его сокращалъ въ началѣ XIII вѣка (между 1214 — 1210 гг.), тотъ самый древній Кіевскій времянникъ, который въ концѣ XIV вѣка переписалъ Лаврентій - мнхъ, частію также сокращая, а сверхъ того поновляя въ сло- гѣ. Особенно важно то, что Переяславльскій лѣтописецъ отно- сится ко времени древнѣйшему, ибо составленіе этого памят- ника (какъ мы видѣли) относится къ началу XIII столѣтія, тогда какъ Лаврентій - мнхъ составлялъ свою лѣтопись въ 1377 году, какъ видно изъ собственнаго его послѣсловія.⁴ Составитель лѣтописца Переяславльскаго, сокращая древнѣй- шій Кіевскій времянникъ, служившій ему источникомъ, въ изложеніи событій слѣдовалъ своему собственному разумѣнію; такимъ образомъ разсказъ его носитъ признаки труда особен- наго, отличающагося отъ всѣхъ другихъ, и можетъ предста- вить нѣкоторые очень любопытные варианты для сличенія и объясненія различныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Такъ замѣчательное мѣсто объ игрищахъ «межи селы,» на которыя сходились Славяне, въ нашемъ памятникѣ разсказано съ боль- шими подробностями, нежели въ Лаврентьевскомъ спискѣ, въ которомъ это мѣсто неудачно сокращено; а между тѣмъ по- добности этѣ поясняютъ намъ характеръ языческихъ празд- нествъ. Другой примѣръ: во всѣхъ спискахъ говорится объ Антоніи «объ нѣкій человекъ, именемъ (въ нѣкоторыхъ спи- скахъ за этимъ слѣдуетъ пробѣлъ) мирьскимъ отъ града Любеча;» слѣдовательно мирское имя его не показано, тогда какъ въ нашемъ лѣтописцѣ означено, что Антоній до постри- женія именовался *Антипою*.

Въ числѣ вариантовъ обращаютъ на себя особенное внима- ніе тѣ мѣста, которыя относятся къ разсказу о мести Вели- кой Княгини Ольги. Хотя въ этомъ разсказѣ есть довольно сказочнаго, но основаніе и вся обстановка легенды проникну-

ты духомъ глубокой древности и передаютъ многія характеристическія черты изъ внутренняго быта нашей старины. Самая обязанность мстить за смерть убитыхъ родственниковъ принадлежитъ къ весьма знаменательнымъ сторонамъ древнѣйшей Русской исторіи. — Лѣтописецъ Переяславля Залѣскаго сохранилъ для насъ интересныя подробности въ извѣстномъ сказаніи о мести Ольги. Вслѣдъ за словами Великой Княгини, обращенными къ Древланскимъ посламъ, чтобы они велѣли несть себя въ лодьяхъ, — прибавлено: »такъ люблю князя вашего и васъ. Они же (послы) ради, и рѣша покиваяще роукама: вѣси ли княже нашъ како мы тобѣ оустрацахомъ? Идоша въ лодыи шіани веселы.«

Разсказывая о новомъ Древланскомъ посольствѣ, нашъ лѣтописецъ приводитъ слѣдующія слова, не встрѣчаемыя въ другихъ лѣтописныхъ спискахъ: »Князю (Древланскому) веселіе »творящу къ бракуу, и сонъ часто зряше Малъ Князь: се бо »пришедъ Ольга дааше ему прѣты многоценны червены, вси »жемчюгомъ иссаждены и одѣла чръны съ зелеными оузо- »ры и лодыи, въ нихъ же несенымъ быти, смолны.« Это мѣсто указываетъ на древній обычай посылать жениху брачныя дары. Но особенно любопытны дополненія къ сказанію о взятіи Искоростѣна. Древлане предлагаютъ Великой Княгинѣ дань медомъ и мѣхами, съ тѣмъ, чтобы она пощадила городъ.

»Она же рече: нынѣ оу васъ нѣтъ медоу, ни скоръ, но мало »оу васъ прошю дати богомъ жрытвоу отъ васъ и ослабоу »вамъ подать себе на лекарство главныя болѣзни; *дайте ли »отъ двора по 3 голуби и по 3 воробы*, зане у васъ есь »тыи итици, а инде оужъ всюду събирахъ и нѣтъ ихъ, а »въ чюжюю землю не шлю.« Такимъ образомъ, по словамъ легенды, Ольга, задумавши хитрую месть, требуетъ у Древланъ птицъ для совершенія жертвеннаго обряда. Лаврентій мнихъ, сокращая Несторову лѣтопись, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о требованіи Ольгою въ дань по три голубя и по

три воробья, выпустилъ свѣдѣніе о причинѣ требованія, представленной Великою Княгинею. Отъ того весь его рассказъ теряетъ ясность и полноту, сохранные въ этомъ мѣстѣ лѣтописцемъ Переяславльскимъ. Это тѣмъ болѣе важно, что народныя легенды также имѣютъ свои законы естественности. Сообщаемое же лѣтописцемъ извѣстіе, по характеру своему, принадлежитъ языческой старинѣ и согласно со всеми древнѣйшими свидѣтельствами. Еще Константинъ Багрянородный говоритъ, что Руссы, прибывъ на островъ св. Григорія, *приносили въ жертву живыхъ птицъ*. Въ словѣ Христолюбца также упоминается о жертвенномъ закланіи птицъ: *и куры и мѣ (богамъ) рѣжутъ*. Левъ Діаконъ свидѣтельствуеетъ, что Руссы *заклали надъ умершими труповъ*, что подтверждается и позднѣйшими обрядами, сохранившимися у Славянъ.⁵ Сличая эти свидѣтельства, не безъ вѣроятія можно заключить, что — въ числѣ обрядовъ по умершимъ — совершалось также принесеніе въ жертву птицъ, и что легенда о мести Ольги, сообщивъ извѣстіе о тризнѣ надъ могилою Игоря, намекаетъ далѣе на этотъ жертвенный обрядъ. — Переяславльскій лѣтописецъ представляетъ и другія мѣста, замѣчательныя по своимъ особенностямъ; въ немъ находимъ даже церковный судъ В. Князя Ярослава.

Считаемъ также необходимымъ обратить вниманіе ученыхъ на одно указаніе нашего лѣтописца, которое кажется намъ очень важнымъ. На стр. 4, передъ выпискою изъ Георгія Амартола, въ Переяславльскомъ лѣтописцѣ сказано: *»Григорій рече въ лѣтописаніи«*, а на стран. 17, передъ рассказомъ о женолюбіи Соломона: *»Рече бо книга Царская Григоріемъ многомъ.«*⁶ Кромѣ того, въ одномъ изъ киноварныхъ заглавіи недавно открытаго мною древле-Славянскаго перевода Хроникъ Іоанна Малалы обозначено, что переводъ этотъ былъ сдѣланъ *»Григоріемъ пресвитеромъ многомъ«*, при Болгарскомъ Князѣ Симеонѣ, т. е. въ X вѣкѣ. Изъ сличенія этихъ

мѣсть, съ большимъ вѣроятіемъ можно предполагать, что всѣ эти одноименные переводчики: и Григорій, переложившій Амартола, и Григорій - мнихъ, переложившій книгу Царствъ, и наконецъ Григорій - пресвитеръ - мнихъ, переложившій Хронику Іоанна Малалы, — должны быть признаны за одно лицо; а потому древній Болгарскій переводъ Амартола, точно также какъ и переводъ Іоанна Малалы, можетъ быть отнесенъ къ X вѣку, и преподобный Несторъ могъ также воспользоваться переводомъ Хроники Амартола, какъ онъ дѣйствительно воспользовался переводомъ Хроники Іоанна Малалы (см. ниже). Такимъ образомъ мнѣніе, что Несторъ пользовался не подлинниками Греческихъ источниковъ, а ихъ Славянскими (преимущественно Болгарскими) переводами, болѣе и болѣе подтверждается.

Съ 1206 года начинается въ Переяславльскомъ лѣтописцѣ много особое изложеніе; сходный до этого года съ Кіевскою лѣтописью, помѣщенной въ Лаврентьевскомъ спискѣ, далѣе онъ со спискомъ мниха Лаврентія совершенно расходится. Слѣдовательно оба составителя пользовались однимъ древнѣйшимъ источникомъ, простиравшимся только до 1206 года, а съ этого времени пополняли рассказъ событій изъ другихъ источниковъ. Что касается до лѣтописца Переяславльскаго, то онъ, по всему вѣроятію, событія слѣдующихъ годовъ рассказалъ прямо отъ себя.

Въ повѣствованіи событій, изложенныхъ подъ этими послѣдними годами лѣтописцемъ Переяславльскимъ, особенно любопытно извѣстіе о принятіи Князя Ярослава Всеволодовича Переяславльцами: «(1213 г.) И тогда Ярославъ цѣловавъ крестъ съ братомъ Гюргемъ и еха въ Перелславль; а Гюрги сѣде въ Володиміри на столѣ отца своего, а Володимиръ въ Гюргевѣ. Ярославъ же, приехавъ въ Переяславль мѣсяца Апрѣля въ 18 день и съзвавъ вси Переяславцы къ Святому Спасу и рече имъ: братія Переяславци! се отецъ мой иде къ Богови, а сасъ удалъ мнѣ, а мене едалъ самъ на руку;

да рците ми, братия, аще хочете мя шлѣти собоу, якожь имѣсте отца моего, и головы своя за мя сложити. Они же вси тогда рѣкоша: вельми, господине, *такъ буди, ты намъ господинъ, ты Всеволодъ*. И цѣловаша къ нему вси крестъ. Этѣ строки чрезвычайно характеристичны; отъ нихъ вѣдетъ истиннымъ духомъ современной эпохи, когда все отношенія выражались въ формахъ простыхъ и съ особеннымъ наивнымъ простодушиемъ.

Издавая Переяславльскій лѣтописецъ, мы старались передать этотъ памятникъ со всевозможною точностію. Еще прежде представляя ученымъ Супрасльскую рукопись, мы указали на важность и необходимость подобнаго изданія памятниковъ и назвали такое изданіе *графическимъ*. Мы и теперь остаемся при прежнемъ убѣжденіи о необходимости издать особо каждый изъ древнѣйшихъ списковъ лѣтописей и непремѣнно Славянскими буквами. Надобно, чтобъ изслѣдователь имѣлъ предъ своими глазами все филологическія и палеографическія подробности разбираемаго имъ памятника. Употребленіе тѣхъ или другихъ буквъ и знаковъ часто можетъ указать мѣсто и открыть время составленія и переписки памятника, что, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Теперь слѣдовало бы намъ представить подробное описаніе рукописи, въ которой помѣщенъ издаваемый нами лѣтописецъ; но, прежде нежели приступимъ къ такому описанію, мы считаемъ также необходимымъ остановить вниманіе ученыхъ на другомъ замѣчательномъ памятникѣ, заключающемся въ той же рукописи: на древле-Славянскомъ переводѣ хроники Іоанна Антиохійскаго, по прозванію Малалы. До сихъ поръ никому изъ изслѣдователей Русской исторіи не было извѣстно, что преподобный Несторъ пользовался Болгарскимъ переводомъ хроники Іоанна Малалы: теперь это открыто мною и доказано положительно, какъ подробнѣе объяснится изъ

дальнѣйшаго изложенія. Очевидно, что ученый вопросъ о переводѣ означенной хроники тѣсно связывается съ изученіемъ нашихъ лѣтописей.

Въ статьѣ моей о Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола и о Сербскомъ и Болгарскомъ переводахъ его хроники ⁷, я старался указать на нѣкоторые Византійскіе источники, которыми, по всей вѣроятности, пользовались наши древнѣйшіе лѣтописатели. Изслѣдовать и разъяснить — что въ лѣтописяхъ находится самобытнаго и что заимствованнаго, на сколько заимствованныя свѣдѣнія подверглись измѣненіямъ и какой смыслъ имѣли подобныя перемѣны — все это чрезвычайно важно и необходимо. Важность и необходимость такого требованія понятны для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ интересами исторической науки. Но для рѣшенія этихъ вопросовъ нужны особенныя спеціальныя свѣдѣнія въ письменныхъ Византійскихъ памятникахъ и близкое знакомство съ древне-Славянскими переводами Греческихъ твореній и вообще съ библиографіею. Очевидна великая трудность подобныхъ изслѣдованій, а потому всякое новое замѣчаніе въ этомъ дѣлѣ, конечно, должно считать далеко небезполезнымъ.

Въ означенной статьѣ моей, я указалъ на Греческій подлинникъ Амартола и его древніе Славянскіе переводы; изъ этихъ послѣднихъ могли заимствовать Несторъ и другіе составители Русскихъ временниковъ, пользовавшіеся Амартоломъ, какъ однимъ изъ источниковъ своихъ сказаній. Въмѣстѣ съ тѣмъ я считалъ полезнымъ обозначить и нѣкоторые изъ другихъ источниковъ, съ цѣлью обратить вниманіе знатоковъ на этотъ столько любопытный предметъ, и вызвать ихъ къ рѣшенію даннаго вопроса общимъ участіемъ и трудомъ. Тогда было указано мною на два хронографа, которые могутъ быть весьма полезны при опредѣленіи Византійскихъ источниковъ, вошедшихъ въ составъ нашихъ временниковъ:

1) на древне-Славянскій переводъ Греческаго хронографа — на такъ называемую *Палею*, сочиненіе которой

X

въ нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ приписывается Иоанну Дамаскину, а въ другихъ, какъ напримѣръ въ спискахъ собранія Гр. Толстова I. 78 и V. 80,— Иоанну Златоустому. Замѣчательно, что у Арабовъ также сохранилось преданіе о сочиненіи Иоанномъ Златоустомъ какого-то хронографа; на Арабскомъ языкѣ есть, какъ свидѣтельствуешь Гумфредъ Голдѣй, хроника, приписываемая Иоанну Златоустому; ⁸ но объ этомъ хронографѣ до сихъ поръ мало свѣдѣній и онъ, кажется, не изданъ. — Въ библіотекѣ Медицинской хранится сочиненіе Иоанна Дамаскина подъ такимъ заглавіемъ: «*Ἐννεψὶς εἰς τὴν παλιὰν γράφην ἀναμνηθεῖσα φιλοσοφικῆς*», ⁹ а въ Вѣнской библіотекѣ находится хронографъ Иоанна Сицилійскаго, содержащій въ себѣ историческія сказанія отъ начала міра до 800 года ¹⁰. Не окажется ли одинъ изъ этихъ трехъ памятниковъ — подлинникомъ, съ котораго переведена Славянская Палея? Если бы кто изъ ученыхъ предпринялъ трудъ сравнить Славянскую Палею съ указанными рукописями, то, несомнѣнно, оказалъ бы великую услугу Русской библіографіи и исторіи, потому что Палея была извѣстна у насъ въ самой глубокой древности: на нее ссылался еще Митрополитъ Иоаннъ. ¹¹

2) На хронографъ Московской Синодальной библіотеки, подъ № 280, имѣющій слѣдующее заглавіе: «*лѣтописецъ Еллинскій и Римскій, сія книги списаны не изъ единыхъ книгъ, но отъ различенъ истинныхъ великихъ, по исправленью многу: Моисѣева истинная сказанія, и отъ четырехъ Царствій, и Пророчествія Георгіева по истиннѣ мзложена, и отъ Ездры, и отъ Истиріи и отъ Азматъ Азматскихъ и отъ Патаушика и еще же отъ Иоаннова Хронографа Антіохійскаго.*» Указаніемъ на этотъ послѣдній хронографъ мы старались обратить вниманіе нашихъ археологовъ на имя Иоанна Антіохійскаго, упоминаемаго въ числѣ источниковъ означенной рукописи Синодальной библіотеки. Мы хотѣли установить новый и весьма любопытный въ наукѣ

вопросъ: какой источникъ должно разумѣть подъ именемъ *Іоанна Антиохійскаго*?— Но вмѣсто ожидаемыхъ нами подробныхъ ученыхъ изысканій о томъ, что надо понимать подъ именемъ «хронографа Іоанна Антиохійскаго» и вошелъ ли этотъ памятникъ въ составъ Русскихъ летописей, — вмѣсто такихъ изысканій, въ которыхъ собственно и заключается интересъ науки, — нѣкоторые изъ нашихъ библиографовъ предложили одни сомнѣнія. Мы думаемъ, что въ дѣлѣ науки важно общее содѣйствіе и трудъ; а сомнѣнія, которыя ведутъ только къ безплодному отстраненію вопроса, важнаго для науки, и производятъ не участіе къ научному интересу, какое мы старались вызвать, а равнодушіе, — едва ли не бесполезны.

Важность вопроса о Византійскихъ источникахъ нашихъ временниковъ заставляетъ насъ снова обратить вниманіе археологовъ на «хронографъ Іоанна Антиохійскаго», упомянутый въ Синодальной рукописи. Мнѣніе наше, по которому эту ссылку на Іоанна Антиохійскаго мы сочли ссылкой на хронографъ Іоанна Дамаскина, беремъ назадъ; потому что, вслѣдствіе новыхъ данныхъ, можно вѣроятнѣе указать на другой источникъ, извѣстный подъ этимъ именемъ.

Между Византійскими историческими писателями находимъ *Іоанна Антиохійскаго Малалу* (Malela, Maleles). Известна только одна Греческая рукопись хронографа, составленнаго Іоанномъ Малалою; она хранится въ библиотекѣ Оксфордскаго Университета, между Бароцціанскими манускриптами. Къ сожалѣнію, и эта единственная рукопись — безъ начала и конца. Эдмундъ Чильмидъ перевелъ ее на Латинскій языкъ, съ намѣреніемъ издать, но не успѣлъ этого выполнить по причинѣ своей преждевременной смерти. Намѣреніе Чильмида совершилъ Гуморедъ Годій, который въ 1601 году издалъ хронографъ Малалы, въ Оксфордѣ, въ восьмую долю листа. Оксфордское изданіе хроникъ Іоанна Малалы было перепечатано въ Венеціи, въ 1733 году, въ листъ, Іоан. Баптистомъ Паскуали, какъ дополненіе къ полному собранію

Византийскихъ источниковъ. Въ 1831 году хроника Малады снова была перепечатана съ Оксфордскаго изданія, съ предисловіемъ Людовика Диндореа, въ Боннѣ — въ сборникѣ *»Corpus scriptorum Historiae Byzantinae.»* Синодальная рукопись подъ *»хронографомъ Іоанна Антиохійскаго»* вѣроятно разумѣетъ хроникѣ Малады. Рукопись эта находится теперь въ Археографической Комисіи, и въ короткое время пребыванія моего въ С.-Петербургѣ я не успѣлъ разсмотрѣть ее подробно. Зная, что въ драгоценной коллекціи рукописей, пріобрѣтенныхъ Графомъ А. С. Уваровымъ отъ И. П. Сахарова, есть хронографъ совершенно сходный по своему составу съ Синодальнымъ (№ 280), я именно просилъ Графа А. С. Уварова сообщить мнѣ означенную рукопись. При личномъ свиданіи со мною въ Москвѣ, Графъ радушно изъявилъ желаніе содѣйствовать моему труду немедленнымъ доставленіемъ памятника; но, вѣроятно, нѣкоторыя непредвидѣнные обстоятельства до сихъ поръ мѣшали исполненію этого обѣщанія. Такимъ образомъ я долго бы не могъ представить положительныхъ свѣдѣній о данномъ предметѣ, еслибы окончательному рѣшенію вопроса не помогла мнѣ драгоценная и въ высшей степени замѣчательная бібліотека М. П. Погодина, въ которой также нашелся подобный хронографъ, имѣющій тоже самое заглавіе. Изъ ближайшаго обзорѣнія этого памятника, сообщеннаго мнѣ М. П. Погодинымъ, прямо открывается, что составитель настоящаго хронографа пользовался Болгарскимъ переводомъ хроники Іоанна Малады и внесъ замѣчательныя измѣненія въ нея свѣдѣнія въ свой трудъ, частію вполнѣ, а частію сокращая. ¹²

Занятый бібліографическими розысканіями о Греческихъ источникахъ древняго Русскаго временника, я подробно разсматривалъ бывшіе у меня подъ рукою хронографы и къ великому моему удовольствію въ вышеозначенной Архивской рукописи открылъ древле-Славянскій переводъ хроники Іоанна Малады, которымъ пользовался преп. Несторъ.